

РОБИ

Несколько месяцев назад я праздновал свое пятидесятилетие.

После многих тостов, в которых превозносились мои достоинства и умалчивалось о свойственных мне недостатках, с бокалом в руке поднялся начальник лаборатории радиоэлектроники Стрекозов.

- А теперь, - сказал он, - юбиляра будет приветствовать самый молодой представитель нашей лаборатории.

Взоры присутствующих почему-то обратились к двери.

В наступившей тишине было слышно, как кто-то снаружи царапает дверь. Потом она открылась, и в комнату въехал робот.

Все зааплодировали.

- Этот робот, - продолжал Стрекозов, - принадлежит к разряду самообучающихся автоматов. Он работает не по заданной программе, а разрабатывает ее сам в соответствии с изменяющимися внешними условиями. В его памяти хранится больше тысячи слов, причем этот лексикон непрерывно пополняется. Он свободно читает печатный текст, может самостоятельно составлять фразы и понимает человеческую речь. Питается он от аккумуляторов, сам подзаряжая их от сети по мере надобности. Мы целый год работали над ним по вечерам для того, чтобы подарить его вам в день вашего юбилея. Его можно обучить выполнять любую работу. Поздоровайтесь, Роби, со своим новым хозяином, - сказал он, обращаясь к роботу.

Роби подъехал ко мне и после небольшой паузы сказал:

- Мне доставит удовольствие, если вы будете счастливы принять меня в члены вашей семьи.

Это было очень мило сказано, хотя мне показалось, что фраза составлена не очень правильно.

Все окружили Роби. Каждому хотелось получше его разглядеть.

- Невозможно допустить, - сказала теща, - чтобы он ходил по квартире голый. Я обязательно сошью ему халат.

Когда я проснулся на следующий день, Роби стоял у моей кровати, по-видимому ожидая распоряжений. Это было захватывающе интересно.

- Будьте добры, Роби, - сказал я, - почистить мне ботинки. Они в коридоре у двери.

- Как это делается? - спросил он.

- Очень просто. В шкафу вы найдете коричневую мазь и щетки. Намажьте ботинки мазью и натрите щеткой до появления блеска.

Роби послушно отправился в коридор.

Было очень любопытно, как он справится с первым поручением.

Когда я подошел к нему, он кончал намазывать на ботинки абрикосовое варенье, которое жена берегла для особого случая.

- Ох, Роби, - сказал я, - я забыл вас предупредить, что мазь для ботинок находится в нижней части шкафа. Вы взяли не ту банку.

- Положение тела в пространстве, - сказал он, невозмутимо наблюдая, как я пытался обтереть ботинки, - может быть задано тремя координатами в декартовой системе координат. Погрешность в задании координат не должна превышать размеров тела.

- Правильно, Роби. Я допустил ошибку.

- В качестве начала координат может быть выбрана любая точка пространства, в частности, угол этой комнаты.

- Вс? понятно, Роби. Я учту это в будущем.

- Координаты тела могут быть также заданы в угловых мерах, при помощи азимута и высоты, - продолжал он бубнить.

- Ладно. Не будем об этом говорить.

- Допускаемая погрешность в рассматриваемом случае, учитывая соотношение размеров тела и длину радиус-вектора, не должна превышать

двух тысячных радиана по азимуту и одной тысячной радиана по высоте.

- Довольно! Прекратите всякие разговоры на эту тему, - вспылил я.

Он действительно замолчал, но целый день двигался за мною по пятам и пытался объяснить жестами особенности перехода из прямоугольной в косоугольную систему координат.

Сказать по правде, я очень устал за этот день.

Уже на третий день я убедился в том, что Роби создан больше для интеллектуальной деятельности, чем для физической работы. Прозаическими делами он занимался очень неохотно.

В одном нужно отдать ему справедливость: считал он виртуозно.

Жена говорит, что если бы не его страсть подсчитывать π с точностью до тысячной доли копейки, помощь, которую он оказывает в подсчете расходов на хозяйство, была бы неоценимой.

Жена и теща уверены в том, что Роби обладает выдающимися математическими способностями. Мне же его знания кажутся очень поверхностными.

Однажды за чаем жена сказала:

- Роби, возьмите на кухне торт, разрежьте его на три части и подайте на стол.

- Это невозможно сделать, - сказал он после краткого раздумья.

- Почему?

- Единицу нельзя разделить на три. Частное от деления представляет собой периодическую дробь, которую невозможно вычислить с абсолютной точностью.

Жена беспомощно взглянула на меня.

- Кажется, Роби прав, - сказала теща, - я уже раньше слышала о чем-то подобном.

- Роби, - сказал я, - речь идет не об арифметическом делении единицы на три, а о делении геометрической фигуры на три равновеликие площади. Торт круглый, и если вы разделите окружность на три части и из точек деления проведете радиусы, то тем самым разделите торт на три равные части.

- Чепуха! - ответил он с явным раздражением - Для того чтобы разделить окружность на три части, я должен знать ее длину, которая является произведением диаметра на иррациональное число "пи". Задача неразрешима, ибо в конечном счете представляет собою один из вариантов задачи о квадратуре круга.

- Совершенно верно! - поддержала его теща. - Мы это учили еще в гимназии. Наш учитель математики, мы все были в него влюблены, однажды, войдя в класс...

- Простите, я вас перебую, - снова вмешался я, - существует несколько способов деления окружности на три части, и если вы, Роби, пройдете со мной на кухню, то я готов показать вам, как это делается.

- Я не могу допустить, чтобы меня поучало существо, мыслительные процессы которого протекают с весьма ограниченной скоростью, - вызывающе ответил он.

Этого не выдержала даже моя жена. Она не любит, когда посторонние сомневаются в моих умственных способностях.

- Как не стыдно, Роби?!

- Не слышу, не слышу, не слышу, - затарахтел он, демонстративно выключая на себе тумблер блока акустических восприятий.

Первый наш конфликт начался с пустяка. Как-то за обедом я рассказал анекдот:

- Встречаются на пароходе два коммивояжера. "Куда вы едете?" - спрашивает первый. "В Одессу". "Вы говорите, что едете в Одессу, для того, чтобы я думал, что вы едете не в Одессу, но вы же действительно едете в Одессу, зачем вы врете?"

Анекдот понравился.

- Повторите начальные условия, - раздался голос Роби.

Дважды рассказывать анекдот одним и тем же слушателям не очень приятно, но скрепя сердце я это сделал.

Роби молчал. Я знал, что он способен проделывать около тысячи логических операций в минуту, и понимал, какая титаническая работа выполняется им во время этой затянувшейся паузы.

- Задача абсурдная, - прервал он, наконец, молчание, - если он действительно едет в Одессу и говорит, что едет в Одессу, то он не лжет.

- Правильно, Роби. Но именно благодаря этой абсурдности анекдот кажется смешным.

- Любой абсурд смешон?

- Нет, не любой. Но именно здесь создалась такая ситуация, при которой абсурдность предположения кажется смешной.

- Существует ли алгоритм для нахождения таких ситуаций?

- Право, не знаю, Роби. Существует масса смешных анекдотов, но никто никогда не подходил к ним с такой меркой.

- Понимаю.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то взял меня за плечи и посадил в кровати. Передо мной стоял Роби.

- Что случилось? - спросил я, протирая глаза.

- "А" говорит, что x равен игреку, "Б" утверждает, что x не равен игреку, так как x равен игреку. К этому сводится ваш анекдот?

- Не знаю, Роби. Ради бога, не мешайте мне вашими алгоритмами спать.

- Бога нет, - сказал Роби и отправился к себе в угол.

На следующий день, когда мы сели за стол, Роби неожиданно заявил:

- Я должен рассказать анекдот.

- Валяйте, Роби, - согласился я.

- Покупатель приходит к продавцу и спрашивает его, какова цена единицы продаваемого им товара. Продавец отвечает, что единица продаваемого товара стоит один рубль. Тогда покупатель говорит: "Вы называете цену в один рубль для того, чтобы я подумал, что цена отлична от рубля. Но цена действительно равна рублю. Для чего вы врете?"

- Очень милый анекдот, - сказала теща, - нужно постараться его запомнить.

- Почему вы не смеетесь? - спросил Роби.

- Видите ли, Роби, - сказал я, - ваш анекдот не очень смешной. Ситуация не та, при которой это может показаться смешным.

- Нет, анекдот смешной, - упрямо сказал Роби, - и вы должны смеяться.

- Но как же смеяться, если это не смешно.

- Нет, смешно! Я настаиваю, чтобы вы смеялись! Вы обязаны смеяться! Я требую, чтобы вы смеялись, потому что это смешно! Требую, предлагаю, приказываю немедленно, безотлагательно, мгновенно смеяться! Ха-ха-ха-ха!

Роби был явно вне себя.

Жена положила ложку и сказала, обращаясь ко мне:

- Никогда ты не дашь спокойно пообедать. Нашел с кем связываться. Довел бедного робота своими дурацкими шуточками до истерики.

Вытирая слезы, она вышла из комнаты. За ней, храня молчание, с высоко поднятой головой удалилась теща.

Мы остались с Роби наедине.

Вот когда он развернулся по-настоящему!

Слово "дурацкими" извлекло из недр расширенного лексикона лавину синонимов.

- Дурак! - орал он во всю мощь своих динамиков. - Болван! Тупица! Кретин! Сумасшедший! Психопат! Шизофреник! Смейся, дегенерат, потому что это смешно! x не равен игреку, потому что x равен игреку, ха-ха-ха-ха!

Я не хочу до конца описывать эту безобразную сцену. Боюсь, что я

вел себя не так, как подобает настоящему мужчине. Осыпаясь градом ругательств, сжав в бессильной ярости кулаки, я трусливо хихикал, пытаюсь успокоить разошедшегося робота.

- Смейся громче, безмозглая скотина! - не унимался он. - Ха-ха-ха-ха!

На следующий день врач уложил меня в постель из-за сильного приступа гипертонии...

Роби очень гордился своей способностью распознавать зрительные образы. Он обладал изумительной зрительной памятью, позволявшей ему узнать из сочни сложных узоров тот, который он однажды видел мельком.

Я старался как мог развивать в нем эти способности.

Летом жена уехала в отпуск, теща гостила у своего сына, и мы с Роби остались одни в квартире.

- За тебя я спокойна, - сказала на прощание жена, - Роби будет за тобой ухаживать. Смотри не обижай его.

Стояла жаркая погода, и я, как всегда в это время, сбрил волосы на голове.

Придя из парикмахерской домой, я позвал Роби. Он немедленно явился на мой зов.

- Будьте добры, Роби, дайте мне обед.

- Вся еда в этой квартире, равно как и все вещи, в ней находящиеся, кроме предметов коммунального оборудования, принадлежат ее владельцу. Ваше требование я выполнить не могу, так как оно является попыткой присвоения чужой собственности.

- Но я же и есть владелец этой квартиры.

Роби подошел ко мне вплотную и внимательно оглядел с ног до головы.

- Ваш образ не соответствует образу владельца этой квартиры, хранящемуся в ячейках моей памяти.

- Я просто остриг волосы, Роби, но остался при этом тем, кем был раньше. Неужели вы не помните мой голос?

- Голос можно записать на магнитной ленте, - сухо заметил Роби.

- Но есть же сотни других признаков, свидетельствующих, что я - это я. Я всегда считал вас способным осознавать такие элементарные вещи.

- Внешние образы представляют собой объективную реальность, не зависящую от нашего сознания.

Его напыщенная самоуверенность начинала действовать мне на нервы.

- Я с вами давно собираюсь серьезно поговорить, Роби. Мне кажется, что было бы гораздо полезнее для вас не забивать себе память чрезмерно сложными понятиями и побольше думать о выполнении ваших основных обязанностей.

- Я предлагаю вам покинуть это помещение, - сказал он скороговоркой. - Покинуть, удалиться, исчезнуть, уйти. Я буду применять по отношению к вам физическую силу, насилие, принуждение, удары, побои, избиение, ушибы, травмы, увечье.

К сожалению, я знал, что когда Роби начинал изъясняться подобным образом, то спорить с ним бесполезно.

Кроме того, меня совершенно не прельщала перспектива получить от него оплеуху. Рука у него тяжелая.

Три недели я прожил у своего приятеля и вернулся домой только после приезда жены.

К тому времени у меня уже немного отросли волосы.

...Сейчас Роби полностью освоился в нашей квартире. Все вечера он торчит перед телевизором. Остальное время он самовлюбленно копается в своей схеме, громко насвистывая при этом какой-то мотивчик. К сожалению, конструктор не снабдил его музыкальным слухом.

Боюсь, что стремление к самоусовершенствованию принимает у Роби уродливые формы. Работы по хозяйству он выполняет очень неохотно и

крайне небрежно. Ко всему, что не имеет отношения к его особе, он относится с явным пренебрежением и разговаривает со всеми покровительственным тоном.

Жена пыталась приспособить его для переводов с иностранных языков. Он с удивительной легкостью зазубрил франко-русский словарь и теперь с упоением поглощает уйму бульварной литературы. Когда его просят перевести прочитанное, он небрежно отвечает:

- Ничего интересного. Прочтете сами.

Я выучил его играть в шахматы. Вначале все шло гладко, но потом, по-видимому, логический анализ показал ему, что нечестная игра является наиболее верным способом выигрыша.

Он пользуется каждым удобным случаем, чтобы незаметно переставить мои фигуры на доске.

Однажды в середине партии я обнаружил, что мой король исчез.

- Куда вы дели моего короля, Роби?

- На третьем ходу вы получили мат, и я его снял, - нахально заявил он.

- Но это теоретически невозможно. В течение первых трех ходов нельзя дать мат. Поставьте моего короля на место.

- Вам еще нужно поучиться играть, - сказал он, смахивая фигуры с доски.

В последнее время у него появился интерес к стихам. К сожалению, интерес этот односторонний. Он готов часами изучать классиков, чтобы отыскать плохую рифму или неправильный оборот речи. Если это ему удается, то вся квартира содрогается от оглушительного хохота.

Характер его портится с каждым днем.

Только элементарная порядочность удерживает меня от того, чтобы подарить его кому-нибудь.

Кроме того, мне не хочется огорчать тещу. Они с Роби чувствуют глубокую симпатию друг к другу.